

ИЗ РЕПРОДУКТОРА на всю улицу раздавалось: "Ленинград, Ленинград, я еще-о не хочу умирать".

штам появился в комнате в компании двух молодых людей. Представив их как подающих большие надежды начинающих поэтов, он снова бросился в прихожую. На этот раз

Несостоявшийся лавочник

В ДВЕРЬ действительно кто-то звонил. "Теперь это

- Может, вы что-нибудь прочтете?
- Зачем же "что-нибудь"? Я только вчера закончил новое стихотворение. "Горец":

Мы живем, под собою
не чуя страны,
Наши речи за десять шагов
не слышны,
А где хватит
на полразговора,
Там припомним
кремлевского горца...

Только прошу вас, о том,
что вы слышали, - никому. Хо-

тя... Настанет время - и
моего "Горца" будут
петь в Большом.

- Ну вы и мечтатель!

- Нет, мечтаю я всем о другом. Представьте себе картину: маленькая колбасная лавочка. Наденька стоит у прилавка, ты, Машенька, - у кассы. А я, как и все мужчины, в соседней комнате. Стою в дверях и грозно смотрю на покупателя.

- Осип Эмильевич, зачем вы на себя наговариваете? Поверьте мне, когда-нибудь вы станете всемирно знаменитым и вашим именем назовут самый красивый город.

- Этого, милая Маша, не будет никогда. В честь меня даже улицы не назовут. Разве что какую-нибудь яму...

Игорь ИЗГАРШЕВ

Р. С. На днях исполнилось 110 лет со дня рождения Осипа Мандельштама. В Москве до сих пор нет ни улицы, ни музея этого выдающегося поэта.

Любовь Мандельштама

- Граждане, кто на Гоголевском сходит? - обратилась к пассажирам кондукторша. - Никто? Хорошо, едем дальше. Следующая остановка - Дом-музей великого русского поэта Мандельштама. Осип Эмильевич, - неожиданно обратилась кондукторша к нему. - Осип Эмильевич...

- ...Осип Эмильевич, просыпайтесь. Уже половина пятого, скоро гости начнут собираться.

- А? Что? - Мандельштам приподнялся на кровати и потер глаза. - Вы кто?

- Я ваша соседка, Клавдия Ильинична. Меня супруга ваша, Надежда Яковлевна, попросила вас разбудить. Она в магазин ушла, сказала, к пяти будет. У вас, говорят, новоселье сегодня?

- Да-да. Вот, наконец, свое жилье получили. Вы, если хотите, тоже заходите.

Новоселье

...НОВАЯ 1933 г. выдался теплым. Как шутили москвичи, бабье лето собиралось плавно перейти в бабью зиму. Из настежь открытых окон квартиры на пятом этаже в писательском доме в **Нащокинском переулке** вкусно пахло едой. Там, очевидно, намечалась какая-то пирушка.

- Ося, потом, потом расскажешь свой сон. Лучше ветчину порежь.

- Нет, ну ты представляешь? Прямо так и говорит: "Дом-музей Мандельштама". Каково, а?

В этот момент в дверь позвонили. Мандельштам выбежал из кухни и бросился открывать.

- А-а, это вы, Борис Леонидович.

- Ну, показывайте свои хоромы, хвастайте.

- Да какие хоромы. Всего-то две комнаты, без ванной и без плиты.

- Зато ваши. Теперь и стихи можно писать.

Если бы Пастернак был более внимательным, он бы обратил внимание, как при этих словах изменилось лицо Мандельштама. "Теперь можно писать стихи, - раздраженно повторил он слова гостя. - Надо же, разрешил. А чем я до этого занимался? Рифмы коллекционировал?" Но Пастернак ничего не заметил и продолжал рассматривать квартиру.

- Уютно, очень уютно. А что Анна Андреевна? Она, говорят, уже успела побывать у вас?

- Да, Ахматова была у нас недели две назад. Погостила пару дней - и обратно, в Ленинград. Но мы даже рады, что она уехала. Слишком много электричества в одном доме. О, опять звонят. Я открою.

Через минуту Мандель-

Мария Петровых. Поэтесса, возлюбленная Мандельштама. Ей он посвятил одно из "самых лучших стихотворений любовной лирики XX века" (Анна Ахматова) "Мастерица виноватых взоров". Сама Петровых считала Мандельштама "стариком" и относилась к нему лишь как к близкому другу. Не отвечала она взаимностью и Льву Гумилеву, сыну Анны Ахматовой. Уйдя от первого мужа, вышла замуж за вернувшегося из ссылки одноклассника, родила от него дочь.

гостем оказался брат Надежды Яковлевны Евгений. Сама Надежда Яковлевна заканчивала накрывать на стол и иронично поглядывала на мужа.

- Что, Ося, опять не твоя красавица? Как же, придет она вовремя. Твоя Машенька любит, чтоб ее подождали.

- Не надо, Наденька. Ты же знаешь, что мне не нравится, когда ты начинаешь иронизировать по поводу Марии Сергеевны. Это самая очаровательная женщина, которую я когда-либо встречал... Ну, после тебя, конечно.

- Ладно, ладно, еще в любви мне объяснись, - бросила хозяйка дома и вышла на кухню, откуда раздавался грохот переставляемой посуды.

Оставшиеся в комнате мужчины с удивлением посмотрели на Мандельштама, который, как ни в чем не бывало, стоял, прислонившись к стене, и курил. Наконец один из молодых поэтов не выдержал:

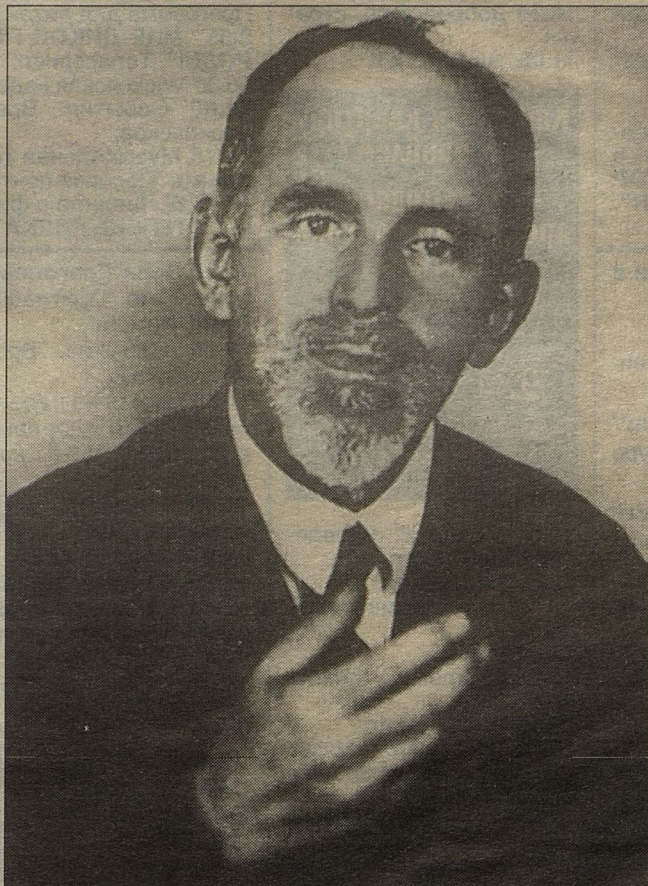
- Супруга знает о вашем увлечении Петровых?

- Конечно. А что здесь такого?

- И вы не боитесь, что Надежда Яковлевна уйдет от вас?

- О чем вы говорите? Наденька - умная женщина и все понимает. К тому же наш брак - большая физиологическая удача. С какой стати ей от меня уходить? И потом, у нас с ней одинаковый вкус, и все мои женщины ей тоже нравятся. Жили же Брики с Маяковским, а Гиппиус и Мережковский - с Философовым.

- Ну, Осип Эмильевич, - перебил Пастернак начинавшую смущать его беседу. - Я, пожалуй, пойду. Тем более что к вам, кажется, еще кто-то пожаловал.

Осип Мандельштам. Дважды подвергался аресту. В 1937 г., лишенный московской прописки, изредка тайно приезжал в столицу и сидел на лавочке на Тверском бульваре. Умер в 1938 г. в пересыльном лагере под Владивостоком.

точно она", - почти крикнул Мандельштам и бросился в прихожую.

- Ты слышал, что рассказывают об этом семействе? - воспользовавшись отсутствием хозяев, обратился один из гостей к другому. - Неужели нет? Ты даешь, вся Москва обсуждает, как Надежда просит мужа приводить молодых девушек, оставляет их на ночь и устраивает оргии. Честное слово! Мне одна знакомая рассказывала, как Осип пытался "вылечить" ее от влюбленности в другого парня. "Раздевайся", - говорил, - я вас высеку". Представляешь?

В дверях появился сияющий Мандельштам, держа за руку молоденькую черноглазую девушку.

- Знакомьтесь, товарищи. Мария Сергеевна Петровых, самая талантливая поэтесса нашего времени.

- Ну зачем вы, Осип Эмильевич! Лучше скажите: что здесь произошло? Я встретила Пастернака, у него было такое лицо...

- Что произошло? Да ничего особенного. А этот Пастернак... Я так много думал о нем, что даже устал. Я уверен, что он не прочел ни одной моей строчки. Давайте говорить о чем-нибудь более приятном. Что это за сверток у тебя в руках?

- Это вам, Осип Эмильевич. Пепельница, подарок на новоселье.

- Нет-нет. Пока ты не скажешь мне "ты", никакого подарка я не возьму. Ну скажи "ты". "Ты, ты, ты".

- Ну... ты!

- Нет-нет! Не надо! Я не думал, что это может звучать так страшно. Лучше называй меня, как раньше.